

который и слова правильно произнести не умеет, спрашивает о языке ее голосов!..

— На французском, мессир, и притом, гораздо лучше, чем ваш!

Брат Сегэн слегка опешил. Его коллеги прятали улыбки. Дерзкая мужичка! Она совершенно забылась, она не видит, с кем говорит! Ну ладно, он ей пропишет!..

— Верить ли ты в бога?

Жанну взяло за живое. На, чертов поп, получай!

— Верю, мессир, и лучше, чем вы!

Брат Сегэн чуть не задохся от ярости. Эх, и дал бы он ей сейчас, да только боязно потерять свое достоинство в глазах остальных. Хорошо же, он посадит ее в лужу, из которой мерзавка не выберется.

— Ты, кажется, просишь поставить тебя во главе войска? Ты называешь себя посланницей божьей и хочешь, чтобы тебе поверили? Но если бог действительно тебя послал, покажи нам знамение, сотвори чудо! Мы не можем советовать королю доверить тебе целую армию лишь на основании твоих слов!

Жанна ответила быстро и решительно.

— Я пришла в Пуатье не для того, чтобы показывать знамения и совершать чудеса. Отправьте меня в Орлеан, и я докажу на деле, для чего я послана.

И сколько к ней ни приставали, она вновь и вновь повторяла эти же слова:

— Отправьте меня в Орлеан, и я докажу на деле, для чего я послана!

По истечении трех недель утомленные богословы решили прекратить допрос. Ничего нового они больше узнать не могли. Их посыльные, вернувшиеся с родины Жанны, представили самые благоприятные отзывы. Девушке оставалось пройти еще одну проверку, на этот раз действительно последнюю...

На квартире у мэтра Рабато с раннего утра опять собралось много народу. Теперь, однако, это были не профессора богословия. Это были женщины разных званий и возрастов, знатные дамы и простые горо-